

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Евгения Щепетнова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

НИЩИЙ
НИЩИЙ. ДИКИЕ ЗЕМЛИ

МАНАГЕР

МОНАХ

«ИСТРИНСКИЙ ЦИКЛ»

ЛЕКАРЬ

МАГ

ВОЕНАЧАЛЬНИК
СЕРЫЙ ВЛАСТЕЛИН

Евгений ЩЕПЕТНОВ

СЕРЫЙ
ВЛАСТЕЛИН

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 2004 году
Выпуск 456

Художник
С. А. Григорьев

Щепетнов Е. В.

Щ56 Серый Властелин: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 313 с.: ил.—
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1397-3

Вы бы могли бросить своих друзей в беде? Нет? Вот и он не может. И снова он лезет туда, куда другого и палкой не загонишь, бьется за жизнь — собственную и близкого человека. Интриги, магия, таинственное Зло, подстерегающее на далеких островах, — все предстоит познать Владу. А что ему остается? Человеку, от которого зависит не только существование ближних, но и судьба самой Истрии... и всего мира.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1397-3

© Щепетнов Е. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

— Пушки, пушки давай! На прямой выстрел! По воротам — пли!

Полковник Тарлов махнул рукой, будто отрубал что-то, и раскаленные снаряды с воем понеслись к воротам мятежного замка.

Ядра с грохотом ударились об окованные железом створки, те дрогнули и, закричав, выдали результат — длинную щепу вроде дранки, отлетевшую от левой половины.

— Вот так и продолжайте! — удовлетворенно кивнул полковник. — Через пару часов от них одни щепки останутся. Спецназ, готовьтесь к входу в крепость! Драконы, близко не подходить — вам же неохота получить дротик в зад?

— Как будто ему охота дротик в зад! — ворчливо заревел, обращаясь к своим товарищам, дракон по имени Белоголов. — Лучше бы отпустил дракониров за баранами, меня от каши мутит! Хочу кусок свежей баранины! А еще — скинуть эти чертовы железки с себя!

— Помалкивай, Белоголов, — буркнул Зеленушка, внимательно следя за передвижением людей. — Радуйся, что броня есть! Забыл, как тебе в зад три дротика воткнулись с крысанов?

— Еще бы я забыл! — хмыкнул Белоголов. — Я тогда в такую ярость впал... Опомнися — вместо подбитого крысана лепешка, а я за дракониром бегаю, норовлю ему голову откусить... вот он вопил от страха! Я чуть его не прибил в горячах.

Драконы захохотали — что у них выглядело как фырканье и рев, даже Зеленушка фыркнул, но потом добавил:

— Поаккуратнее со своими драконами — где потом обученных слуг найти? Эти уже все знают, все умеют, случись что с ними, кто тебе будет в подмышках почесывать? Берегите их!

— Да, согласен, — вздохнул Белоголов. — Я уже как-то привык к мальчишке — забавный звереныш. Жалко, если погибнет. Я его берегу как могу. А уж как почесывает великолепно! Даже непонятно, как мы раньше без них обходились.

— То-то и оно. Мы сыты, спим, тренируемся — жизнь вполне неплохая. Если бы еще не эти демонские дротики! И тяжелые копыя...

— Ага. Мне так не нравятся тяжелые копыя! Прошлый бой один поганец чуть не воткнул мне копые в ляжку — хорошо, что не добежал! Мой Гарат его снял из арбалета за десять шагов. Я глянул потом на наконечник копыя — ужас! Он бы мне всю ногу разворотил!

— Вот-вот, еще о пользе дракониров. Ну ладно, пошли к речке, попьем да на бережку посидим.

Драконы радостно загалдели и толпой зашагали к небольшой речке, расположенной в двухстах метрах от крепости. Тарлов проводил их задумчивым взглядом и крикнул командиру взвода дракониров:

— Отправь человек пять в деревню поблизости, надо драконов покормить бараниной как следует. И зажгите костры — погреемся, не хватало, чтобы бойцы слегли от простуды. Драконам-то плевать на мороз, а люди зябнут. Выполнять!

— Есть! — Михась вскочил на коня, отдал команду, и несколько бойцов следом за ним поскакали в сторону видневшейся в лучах осеннего солнца деревни в паре верст от них.

Тарлов проследил за ними взглядом, вдохнул морозный воздух и снова сосредоточился на воротах мятежной крепости.

С тех пор как Влад вылетел в крепость мятежного барона Некайло, прошло три недели. Затяжные дожди как-то

резко прекратились, неожиданно пришедшие на смену слякоти морозы сразу же сковали грязь, превратив ее в твердую, словно бетонированную поверхность, в которой не вязли колеса повозок и пушечных лафетов. Тарлов этим воспользовался и, выполняя распоряжение фельдмаршала, осадил ближайшую крепость, досаждавшую замку Саваловых долгое время. Распоряжение Влада было четким — пройти огнем и мечом по владениям соседей-дворян.

Эта была крепость одного из тех баронов, которые по наущению герцога Ламунского некогда опустошали владения Влада, уничтожая деревни и разграбляя припасы. Влад, уходя по своим тайным магическим делам, поручил Тарлову и Бориславу разобраться с мятежниками, а проще говоря — захватить их земли, полностью подчинить себе или уничтожить. Ему самому некогда было учинять разборки с этими мелкими дворянчиками, считавшими себя пупами земли и ставящими ему палки в колеса. Кроме того, существовала вероятность, что в то время, как Влад вступит в противостояние с захватчиками Истрии, эти мелкие пакостники-дворянчики ударят в спину — по глупости и подлости своей.

Тарлов был спокоен — отряд спецназа около пятисот человек плюс обычное войско превосходили по боеспособности любое войско врага — конечно, если только те не объединятся в одну армию и если не обучат как следует своих латников. Впрочем, и в этом случае войску Влада ничто не грозило — учтя ошибки, усвоив уроки поражения от викантийцев, маг создал сильнейшую армию, самую сильную армию в этой части света, а возможно, и во всем мире. Никто не мог противостоять его армии, вооруженной пушками, с отрядом из сотни драконов, со спецназом из модифицированных воинов, превосходящих в несколько раз обычных людей и в силе, и в скорости.

Полковник спокойно и размеренно выполнял задачу, поставленную ему командиром. Он не задумывался о последствиях, не думал о том, правильно ли поступает, справедливы или нет распоряжения его фельдмаршала. Он был военным до мозга костей и считал делом чести слу-

жить такому командиру, как Влад. Тарлов видел, что делает и что может сделать Влад, и знал, что единственной надеждой для страны остается вот этот молодой с виду двадцатипятилетний маг, воин и фельдмаршал.

Пушки размеренно разбивали ворота, и через полчаса непрерывной канонады огромная створка с грохотом упала, подняв клубы пыли.

— Прекратить огонь! — крикнул Тарлов. — Красный щит сюда!

Принесли красный щит, водрузили его на шест, и полковник медленно, в сопровождении Борислава и щитоносца отправился к воротам крепости.

Подойдя к крепости, Тарлов громко крикнул:

— Эй, в крепости! Переговоры!

Некоторое время было тихо, потом через груды развалин в воротах перебрались трое людей — один был в блестящей, с золотыми узорами кирасе, а двое других скорее всего являлись телохранителями первого. По всем признакам, в кирасе был сам барон, крепость которого они успешно разбивали ядрами.

— Кто вы такие и что хотите от нас? Почему напали на мирную крепость? — грозно спросил барон, шевеля тараканьими рыжими усами, видимо пытаясь придать своему лицу особо устрашающий и бравый вид. Выходило у него это довольно забавно, и Тарлов слегка улыбнулся, что разозлило барона еще больше. — Покиньте наши земли, и вы сохраните свою жизнь! — потребовал барон, и Тарлов уже открыто улыбнулся, переглянувшись с презрительно ухмыляющимся Бориславом.

— Заткнитесь, барон! — резко прервал речь усача полковник. — Вы прекрасно знаете, кто мы и зачем пришли. Вы нападали на земли Савалова, нанесли нам ущерб. Теперь пришел наш черед. И утверждение, что вашу поганую крепость мы можем снести с лица земли, так же верно, как и то, что вы обрабатываете свои грозные усы по утрам, чтобы они стояли торчком. Разговариваю я сейчас с вами только потому, что не хочу лишних жертв.

— А что вы хотите? — угрюмо осведомился покрасневший барон, ковыряя носком сапога кочку, как будто от

того, оторвет ли он от нее вмерзшую еловую шишку, зависит его будущее.

— Мы хотим, чтобы вы с нынешнего дня выплачивали графу Савалову налоги, как императору Истрии, — десять процентов с валового дохода. Кроме того, единовременную компенсацию за ущерб — размер мы оговорим позже, после того как наш человек проверит состояние ваших доходов. С этого времени вы будете вассалом графа Савалова, будете подчиняться его законам, его требованиям, в общем, как раньше императору Истрии. В случае вашего отказа мы штурмом возьмем крепость, вы будете казнены, а ваше место займет более сговорчивый ваш родственник или человек, которого мы поставим. На размышление вам два часа. Или вы готовы ответить сразу?

— Да вы с ума сошли! — побагровел барон. — Как вы посмели?! Я умру, а не сдамся! И моя семья умрет вместе со мной, защищая нашу землю, на которой мои предки...

— Ну, значит, умрете. И скоро, — равнодушно прервал гневную тираду Тарлов. — Я предлагаю вам жизнь, благополучие, вы же выбираете смерть. Хотите гнить в земле? Ваше право. Пошли, Борислав. Запомните, барон: через два часа наши специальные войска ворвутся в замок и убьют всех, кто окажет сопротивление.

Тарлов развернулся и, больше не обращая внимания на опешившего барона, пошел в расположение своего войска.

— Давай чаю попьем, что ли? — предложил он своему спутнику, гиганту Бориславу, командиру отряда спецназа. — Ветерок вроде небольшой, но пробирает просто до костей. С медом — самое то, чайку-то!

Тарлов потер замерзшие руки, Борислав кивнул, и они направились к шатру, из которого шел дымок — самовар уже дожидался командиров армии возмездия.

— Аккуратнее там. У тебя три дня. Выйдешь на площадку за городом — помнишь, у того дуба? Я перемещусь и заберу тебя. Если тебя в тот момент не будет — отправим агентов тебя искать. Не рискуй, Влад будет очень расстроен, если с тобой что-то случится!

Макобер потер голову рукой — затылок ныл, как будто

по нему стукнули поленом. Он слишком много тренировался в создании порталов, и мозг запротестовал, требуя отдыха.

Магистр магии взглянул на стоящую перед ним старушку — сгорбленную, с длинной клюкой, в засаленном платье и платочке, надвинутом на глаза, — и весело сказал:

— Ну и видок у тебя, Амалия! Сейчас на тебя вряд ли кто позарится... Впрочем, если вина побольше...

— Макобер, ты как был старым похотливым козлом, так им и остался, — беззлобно огрызнулась Амалия, она же глава Тайной службы Влада. — Ты где такой сиреневый костюмчик взял? Выглядишь как попугай!

— Попугай сиреневые не бывают! — не обиделся Макобер. — А костюмы мне шьет одна беженка из столицы. Раньше она дамской портнихой была, а теперь шьет все, костюмы в том числе. Знатная мастерица. Дать адресок? Она в деревне нынче живет. Впрочем, чего это я, ты же, кроме своего черного костюма да сальных обносков, ничего не носишь! Эй-эй, не приближайся ко мне! Эх, если бы не Влад... я бы тебя обязательно соблазнил... даже в этом наряде!

— Извращенец! Любитель старушек! — фыркнула Амалия. — Давай отправляй уже, попугай сиреневый!

— Дай я тебя обниму! — порывисто качнулся вперед Макобер и, прежде чем девушка успела отреагировать, обнял ее и шагнул назад. — Ну все, готовься!

Амалия с недоверием посмотрела на мага, недоуменно приподняла брови, потом пожала плечами и сказала:

— Начинай уже... создавай портал. Хватит время тянуть, пора в дорогу.

Макобер сосредоточился — зазмеились молнии, белыми шипящими лентами облизывая бугор возле реки, на котором стояли маг и девушка, и уходя в застывшие на морозном ветру осины. В воздухе с легким хлопком развернулось зеркало портала, переливающееся жемчужным блеском.

— Давай! Я тебе не Влад, долго держать не могу... пока что. До скорого! Запомни: три дня!

Амалия кивнула на прощанье, сделала два шага и, прыгнув в портал, исчезла.

Макобер отпустил портал, понюхал руки, которыми обнимал Амалию, — ему показалось, что на них остался тонкий запах ее благовоний. Но, возможно, и вправду показалось.

Маг горестно вздохнул. Вроде и женщин хватает, и влюбляются в него — Влад дал ему молодость, силу, — но вот не хочется этих женщин, а хочется одну, недоступную, колючую, как кактус, и сильную, как дракон... и она принадлежит не ему. Несправедливо... Он еще раз вздохнул и побрел к замку, видневшемуся в пятистах метрах от реки.

Осенний ветерок развеивал знамена графа Савалова на каменных башнях. В ворота медленно втягивались повозки с продуктами, чуть поодаль виднелись срубы, на которых суетились люди — строился городок Владов, так решили его назвать. Вообще, вокруг замка шло бурное строительство, селились беженцы, которым оказывался радушный прием. Особенно мастеровым людям. Топились печи, отчего в воздухе разливался уютный дымок, наводящий на мысли о горячем хлебе и тарелке щей.

Макобер поежился на ледяном ветру и, ускорив шаг, почти побежал к заведению, находящемуся справа от замка. Это был трактир-гостиница, первое, что начали строить, когда остатки разбитой истрийской армии переместились к замку графа Савалова. Макобер мог и в замке получить еду и вино, но он ужасно любил посидеть в трактире, среди толкотни, солдат и дешевых шлюх. Там запросто можно было оказаться в центре какой-нибудь заварушки, и что может быть веселее, чем выкинуть из окна трактира пьяного здоровяка-солдата, купившегося на легкомысленный вид Макобера, выглядевшего как городской прощелыга. Ведь так приятно отдубасить ботана в попугайском костюме. Вот только под сиреневыми щегольскими тряпками таилось не жалкое тело изнеженного повесы, а могучий организм модифицированного магией человека, способного на лету поймать стрелу и завязать узлом стальной прут толщиной с большой палец руки.

Вначале на Макобера часто нападали, и он наслаждался

развлечениями, но скоро уже все знали, насколько опасен этот смешной человек, и, к его неудовольствию, подобные забавы для него стали редкостью. Лишь иногда старослужащие нарочно науськивали новичка-новобранца, подбивая его научить уму-разуму городского хлыща, и тогда Макобер устраивал целые представления, в финале которых агрессор оказывался лежащим возле крыльца трактира. Но потасовки — это вторично. Макоберу нравился шум, танцы, заезжие музыканты, забредавшие в трактир и зависавшие там на дни и на недели. Он старался все вечера проводить в этом заведении, и его там хорошо знали. Впрочем, мудрено не знать великого магистра магии, ближайшего сподвижника самого Влада! Если бы в этом мире существовала фотография, газеты и телевидение, его знала бы в лицо каждая собака, а так лишь имя его было на устах истрийцев, а в лицо знали только коренные жители этих земель.

Макобер подошел к двухэтажному бревенчатому зданию, поднялся на высокое крыльцо (под зданием находился обширный склад-подвал) и толкнул дверь. Его обдало ароматом пирогов, жареного лука и бурлящего в огромных котлах мяса, а в уши ударили звуки струн. Он с довольным видом остановился на пороге, глубоко втянул носом запахи веселья и решительно направился к любимому столику возле окна. Если жизнь не приносит радости, зачем она? Жить сотни лет и не получать радости? Это не для него. Макобер был сейчас счастлив, как и частенько за годы своей долгой восьмисотлетней жизни...

Переход, как всегда, был неожиданным и резким, как будто кто-то дернул за руку и утащил в неизвестное пространство. Легкий приступ тошноты, головокружение, удар... и Амалия покатилась по твердой земле, не удержавшись на ногах. Приземление в этот раз было довольно жестким — она слишком быстро запрыгнула в портал, а при выходе запнулась ногой за полусгоревший сухой ствол осины и перелетела через него кувырком. Если бы не ее молниеносная реакция и феноменальная везучесть, Ама-

лия могла сломать себе конечность или ребро, когда ударилась о землю.

Впрочем, Влад давно усилил ее кости до такой степени, что они были сравнимы со стальными прутьями. Связки и мышцы были укреплены таким же образом. На самом деле Амалия давно уже была не человек в общепринятом понимании, нет, это была совершенная боевая машина, которую маг-лекарь «выковал» из бывшей своей хозяйки, когда его захватили в рабство проезжие работорговцы. Он полностью изменил ее сознание, усовершенствовал организм, и теперь Амалия была предана ему до последней клеточки своего совершенного и прекрасного тела. Причудливый сплав прежнего сознания и нового, навязанного магом, вылился во всепоглощающую любовь к своему хозяину-господину, а прежний опыт жизни и интриг в империи Викантия позволил ей занять одно из ключевых мест в нарождающейся Истрии — главы Тайной службы. Она занялась сбором информации и организацией шпионской сети, которая в идеале должна была охватить всю Истрию, как паутина. Ей удалось создать сеть в городах на севере, мало затронутых оккупационными войсками, вернее сказать, совсем не затронутых — весь юг находился во власти Викантии, со всеми вытекающими последствиями, но север как бы провис между властями — оккупантами и новообразованной империей во главе с графом Саваловым, Владом, с центром сопротивления — замком Савалова.

Конечно, агенты Викантии наводнили такие города, как Лазутин, но до открытой войны двух империй пока не доходило — мешал сезон дождей, превративших дороги в непролазные топи. Если на севере дороги уже установились, замороженные первым дыханием зимы, то на юге еще продолжались осенние дожди.

Амалия сразу это ощутила, проехавшись по сырой земле. Ее одеяние, и так жалкое, превратилось в замызганную тряпку, и девушка, всегда чистоплотная и элегантная, тихо ругалась, вспоминая самые грязные и витиеватые ругательства из лексикона истрийцев и викантийцев. Сама она по рождению была викантийкой — смуглой, небольшого роста, с карими бархатными глазами.

У нее были мысли замаскироваться под истую викантийку — ее сразу бы признали за свою в любом южном городе Викантии и она затерялась бы в толпе. Но тут такой номер не удался бы, поскольку армия вторжения состояла в основном из мужчин, а женщины (в большинстве своем шлюхи, обслуживающие солдат) были наперечет, да и не смогла бы она бродить по городу и заходить туда, куда ей хотелось, — викантийцы не бродят просто так по городу. Хотя за каждого убитого викантийца сразу казнили пятьдесят заложников, всегда существовала вероятность, что кто-нибудь из отчаянных горожан не выдержит и пустит стрелу в спину оккупанта.

Впрочем, у Амалии имелись сведения, что горожане не больно-то и горят желанием организовывать сопротивление захватчикам. У всех семьи, надо жить, работать, а уж какая установилась власть — не суть важно. Главное — чтобы была еда, кров, одежда. Она не осуждала их, но и симпатии к ним не испытывала. Вообще, Амалия мало к кому питала теплые чувства, у нее была одна любовь — Влад. Ну еще, может быть... Макобер. Этот похотливый старикашка, с которым она все время собачилась, вызывал у нее странное чувство, сродни любви — он нравился ей своей взбалмошностью, бесстрашием, экстравагантными манерами, а теперь, когда Влад его омолодил, еще и внешностью. Чего греха таить — Амалия очень любила сексуальные утехы, для того когда-то и приобрела Влада, глянувшегося ей своей мужественной, суровой внешностью. Макобер не был так брутален, сейчас он больше был похож на озорного мальчишку, но Амалии катастрофически не хватало секса — особенно после того, как Влад исчез где-то в замке мятежного барона. Он не брал с нее обета верности, но ей казалось, что будет неправильным предаваться постельным радостям не с ним. А кроме того, после него все остальные мужчины казались ей какими-то пресными, неинтересными... за исключением Макобера. Во все времена женщинам нравились «плохие мальчишки».

Девушка выбросила из головы шальные мысли и сосредоточилась на своем задании. Ей нужно было восстановить шпионскую сеть в столице, и никто, кроме нее, не мог

этого сделать — только она знала в лицо всех своих резидентов. Также ей нужно было выяснить обстановку в городе, собрать сведения об оккупационной армии — в будущем придется сражаться с этой армией, и нужно знать, к чему следует подготовиться.

Амалия как смогла отряхнулась от грязи, подобрала свою клюку — длинную отполированную палку со слегка загнутой рукоятью — и заковыляла к городу. Она не успела сделать и нескольких шагов, как раздался топот копыт и грубый голос, привыкший командовать, сказал:

— Это тут! Люди видели, что тут появился портал! Берите всех, кто окажется рядом! Идем цепью на расстоянии видимости!

У Амалии сжалось сердце — попалась! Если истрийцы еще слабо знали, что такое портал, то викантийцы были прекрасно осведомлены, что означают молнии среди бела дня, особенно вблизи захваченного города. Истрийцам были знакомы порталы для переноса небольших предметов, и они были доступны только ограниченному кругу магов — магистрам. Викантийцы, а главное, их закулисные, кукловоды-аштарийцы, владели искусством переноса больших масс, таких, как человек, и если отнюдь не все захватчики владели такими же способностями, как Влад, позволявшими держать портал часами, то знаниями о порталах они обладали в полной мере. Судя по тому, что она услышала, кто-то заметил возникновение портала, и отряд всадников отправили на поиски тех, кто был перемещен через него. И скорее всего эти солдаты были подготовлены должным образом — обвешаны амулетами против магического воздействия и физических ударов.

Что же делать? Амалия юркнула под нависающие пушистые лапы ближайшей ели и прижалась к стволу. Она слышала, как переключается поисковая группа. Альтернатива была такова — они или не найдут ее, или же найдут, и тогда ей придется их всех убить. Вероятнее всего второе, но в этом случае в городе начнется переполох, будут хватать всех подозрительных, а значит, осложнится ее задача.

Амалия досадливо сплюнула — ну что стоило открыть портал еще дальше от города, верст за пять? Ну дошла бы

уж она... а тут Макобер пожалел ее, открыл портал поближе, чтобы она не шлепала лишние версты по грязи, и вот результат. Она закрыла глаза и постаралась отрешиться от всего вокруг — так заяц затаивается, когда поблизости рыщет хищник, желающий полакомиться его плотью. Минуты тянулись невыносимо, будто увеличиваясь в размере, растягиваясь подобно конфете-тянучке...

— Ого! А кто тут у нас спрятался? Командир, тут нищенка какая-то под деревом сидит!

— Тащи ее сюда! Сказано же — всех, кого найдем!

— Вылезай давай, старуха! — Перед Амалией возникло лицо мужчины лет тридцати, украшенное татуировками.

По ним она легко определила, что это один из наемников с юга Викантии — живущие там племена отличались силой и невероятной жестокостью. Вся их жизнь была в войне, они презирали стариков, ибо, по их разумению, до седых волос доживают только трусы. Воин должен гибнуть в бою. Обычно из них набирали элитные войска, головорезов для карательных операций, зачистки территорий. Они не щадили никого — ни мужчин, ни женщин.

Амалия осторожно выбралась из-под ели, всем своим видом создавая впечатление немощной, хлипкой старушечки, не представляющей никакой опасности.

Викантиец безжалостно ткнул «старуху» кулаком в спину, подгоняя вперед, и радостно засмеялся:

— Жаль, что ты такая старая и противная! Я давно без бабы, засохну скоро! Хотя, может, и такая сойдет... — Он раздумчиво осмотрел ковыляющую старуху и мотнул головой. Нет бабы — и это не баба. Грязная, засаленная — еще заразу какую-нибудь подхватишь. Она небось забыла, когда мылась последний раз.

— Ну что, кроме старухи есть кто-нибудь? — крикнул высокий мужчина, одетый в плотную зеленую куртку с многочисленными золотыми украшениями на ней, явно командир. Викантийцы всегда имели слабость к дорогим побрякушкам, поэтому Амалию не удивило обилие цепочек и медальонов на мужчине.

— Только эта нищенка, больше никого, — подтолкнул Амалию татуированный боец. — Мы все осмотрели.

— Нищенка, говоришь?.. — протянул командир, внимательно вглядываясь в испачканное лицо девушки под грязным платком. — Ну-ка, сними с нее платок!

Солдат дернул платок, тот слетел с головы Амалии, открыв коротко стриженные волосы, не имеющие ничего общего с всклокоченными, засаленными патлами нищей старухи. Волосы были черные как вороново крыло и, чисто вымытые, блестели в неярком осеннем солнце.

— Вот какая у нас старуха, — насмешливо сказал командир. — Сомкните ряды, чтобы не удрала, и тащите сюда веревку. Сейчас привяжем ее к лошади, и в город. Пусть Шамасс с ней занимается.

— А может, позабудимся немного, командир? — с надеждой спросил татуированный боец, жадно пожирая глазами чумазое лицо Амалии — даже грязь не могла скрыть ее молодости и красоты. — Я без бабы уже неделю, от нее-то не убудет! Я готов быть вторым — после тебя! Ну разреши!

— Хм... почему бы и нет. Только без увечий! Нам ее надо доставить в целости и сохранности...

Солдаты весело засмеялись, предвкушая развлечение. Амалия видела, как один из них облизнул губы, а из уголка его рта потянулась тонкая нить слюны.

Их было человек двадцать. В общем-то ерунда — какие-то двадцать человек... если бы не амулеты. Они были, конечно, не у всех — дорогая вещица, но у командира точно. И у его подручных. Впрочем, на ней тоже был амулет, и не один, и еще покрупче их амулетов — Влад сделал ей мощные амулеты из черных алмазов, содержащие огромные запасы Силы и замкнутые на ее регенерацию. Любая рана, нанесенная Амалии, затягивалась в считанные минуты, если, конечно, голова не была отсечена, а тело не изрублено на части.

Один из солдат принес веревки, потянулся к пленнице, и тут она сделала молниеносное движение — из клюки появился серебристый клинок. Это был один из тех клинков, что Влад делал для элитных воинов спецназа и своих приближенных. С острием толщиной в молекулу, невероятно

прочный, он перерубал любые вражеские клинки и неизменно оставался острым.

Секущее движение — голова, моргая глазами, полетела под ноги коням. Еще удар — рука татуированного бойца отвалилась, обнажив белые кости плеча. Тело еще не поняло, что умерло, и чернокожий воин с удивлением посмотрел на отвалившуюся конечность — до мозга еще не дошли сигналы боли.

Время как будто замедлило свой бег. Старуха, превратившаяся в прекрасную девушку, внезапно стала смертью, настигавшей каждого, до кого могла дотянуться своим клинком. Амалия вертелась юлой, не обращая внимания на сыпавшиеся на нее удары, и, как косарь в поле, косила ряды противника своим великолепным клинком.

Через минуту на ногах остались только пятеро — командир и его подручные, защищенные амулетами. Они медленно отступали к лошадям, явно намереваясь бежать. Против Амалии можно было действовать только с несколькими магами и сетью — продемонстрированное ею не оставляло сомнений в том, что результат схватки солдат с демоницей будет однозначным.

— Давай договоримся, — хрипло сказал командир отряда, внимательно следя за мягко крадущейся к ним Амалией. — Мы сейчас уходим, тебя не трогаем, и забыли о встрече. Это всего лишь служба, ничего более.

— А то, что вы хотели меня изнасиловать, тоже служба? — насмешливо спросила Амалия, делая еще два осторожных шага к врагам, отступавшим с мечами на изготовку.

— Ну это же война! Каждая баба на ней — добыча, — примирительно ответил командир. — Кто же знал, что ты бешеная! Можно узнать твое имя?

— Можно. Вам все равно умирать — почему бы и нет? Я Амалия.

— Амалия?! — Мужчина побледнел. — Знаю. Отпусти нас, Амалия! Клянусь, никому о тебе не скажем!

— Поздно.

Она прыгнула, сделав немислимый кульбит, и оказалась в центре группы оставшихся в живых солдат.

Первым упал тот, что стоял справа от предводителя, — Амалия молниеносно отогнула ему голову и чиркнула лезвием меча по шее — амулеты защищали только от быстрых ударов, от прикосновений не защищали никак, иначе человек с амулетом не мог бы ничего коснуться. Второй умер со свернутой шеей, третий получил меч между ребер, Амалия проткнула его медленным движением, как будто вдевала нитку в иголку.

Сама она тоже получила пару ранений: меч пробил ей бок, выйдя сзади наискосок и не задев внутренних органов, да кинжалом взрезали плечо — солдаты тоже знали о свойствах амулетов, а трусов у викантийцев не держали. Последним пал предводитель — Амалия вспорола ему живот, глядя в затухающие глаза врага. После секса вторым наслаждением для нее всегда было убийство. А может быть, и первым — секс на втором. Даже установки Влада не смогли изменить ее кровожадную натуру. Впрочем, он и не особо старался — его устраивало иметь у себя за спиной такое опасное, безжалостное и сильное, как пантера, существо. Притом абсолютно преданное хозяину.

С последними смертными судорогами врага Амалия испытала сексуальную разрядку и задергалась в сладострастных спазмах, бессильно опустившись на усыпанную опавшими иголками землю. Ей было хорошо...

Система регенерации в считанные минуты залечила ее раны.

Через полчаса неприметная тихая старушка в драной пуховой шали, повязанной на груди крест-накрест, постукивая клюкой, подошла к воротам столицы. Дежурный солдат на контрольном пункте принял у нее из грязных рук медяк и, брезгливо кинув его в сумку с монетами, кивнул: «Проходи!» Старушка в бесформенных войлочных опорах засемила за ворота крепости.

Влад сидел откинувшись на мягком кожаном сиденье кареты и сквозь полудрему слушал болтовню баронессы — она несла какую-то чушь о своих родственниках, о том, какие балы они устраивают, как они заботятся о своих кре-

стьянах, дающих хороший приплод и размножающихся, как крысы.

Компания барона и баронессы Некайло совсем не вызвала у него радости, и сидел он тут только потому, что был вынужден соответствовать роли брата барона — в этом качестве его собирались представить графу Раганору.

Влад, который назвался Олегом и принял облик киноактера Олега Видова, проник в замок барона Некайло под видом бродячего артиста, метателя ножей, и захватил разум барона и его жены, полностью подчинив их своей власти. Барон и граф, к которому они сейчас ехали, как и герцог Ламунский, заключили с ящеролюдью соглашение, обязавшись поставлять им продовольствие и необходимые товары в обмен на металлы и, самое главное, золото и драгоценные камни. Кроме того, ящеролюди обязались не трогать людей и скот на территории баронства и графства. Влад долго общался с бароном и баронессой, потом долго обдумывал, как ему наладить систему отношений с бароном Некайло, и наконец решил: все останется как есть, за исключением того, что теперь барон, прежде чем сделать какие-то шаги в политике или военных действиях, будет советоваться с Владом. Также был подготовлен специальный документ, в котором барон признавался вассалом Влада. По этому договору десять процентов валового дохода отправлялось в замок Савалова, а неофициально, по указанию Влада, половина всего дохода, до тех пор пока в этом не исчезнет необходимость.

Потянулись телеги с металлом, продуктами, тканями и повозки с золотом и драгоценными камнями, охраняемые отрядами тяжеловооруженных бойцов. Все это оседало в подвалах замка Савалова и шло на постройку города вокруг замка, набор новобранцев и перевооружение армии. Нужно было заново отлить пушки, подготовиться к борьбе с захватчиками. У Влада были и другие мысли по этому поводу: если все удачно получится, войны вообще можно избежать, но, как сказано одним из земных политиков, хочешь мира — готовься к войне. Однако вначале нужно было захватить графа Раганора.

Задача была не из легких — еще при жизни герцога Ла-

мунского Раганор, как и барон Некайло, окружил себя охраной из анонимных стрелков и, с тех пор, как Ламунского казнили захватчики страны, безвылазно сидел в своем замке, не принимая никого, даже своих прежних соратников.

Барон по настоянию Влада несколько раз отправлял графу письма с нарочным, требуя немедленной встречи для обсуждения дальнейших совместных действий и намекая, что располагает какими-то важными сведениями, совершенно необходимыми для графа. Сведения и правда были — например о том, что пора бы графу перестать дурить и стать вассалом Влада, — но об этом барон прозорливо помалкивал.

Влад выяснил, что граф живет один, ему около пятидесяти лет. Детей у него нет — есть только дальние родственники, двоюродные и троюродные братья, которые спят и видят, как граф откинет свои золоченые копыта и отправится в мир иной, оставив им громадное — второе по значимости после Ламунского — состояние. Граф не желал оказывать им такой любезности и заперся у себя в замке, выпивая и пропуская через свою постель всех мало-мальски симпатичных служанок.

Кстати сказать, во избежание покушений служанки тоже не выпускались из стен замка. Фактически граф жил как на космическом корабле или в тюрьме — доступа к нему не было, и он, если бы не знал так хорошо Некайло и его супругу, вряд ли согласился бы их принять.

Принять их он согласился скорее всего не потому, что они придерживались одних и тех же политических взглядов, и не потому, что Некайло был его соратником в гражданской войне, когда Ламунский пытался захватить трон империи Истрия. Все гораздо проще и банальнее — граф Раганор и барон Некайло приятельствовали с давних пор, с того времени, когда они еще бывали при дворе. Граф прекрасно знал о том, насколько распутны оба — барон и баронесса, и частенько они развлекались втроем.

Это все Влад прочел в мозгу у барона и баронессы, когда занимался их зомбированием, а позже они сами подтвердили этот факт во время многочасовых бесед с магом,

когда тот выуживал у них информацию. Фактически графу Раганору было скучно и тоскливо взаперти, и он решил разнообразить свою половую жизнь, приняв в холостяцкую постель двух родовитых извращенцев.

Влада ситуация устраивала вполне, через этих двух людей он собирался подобраться к графу. Ему было необходимо подобраться так близко, чтобы он мог погрузить графа в транс, — то есть на расстояние вытянутой руки.

Ехать до замка графа нужно было четыре дня, и маг чувствовал, что эти четыре дня превратятся в пытку, — он не мог выносить болтовню баронессы более часа подряд. Хуже всего было то, что она не оставляла попыток его соблазнить — как бы невзначай трогала за колено, подсаживалась к нему, прижимаясь бедром, доставала с полки наверху какой-нибудь надушенный платочек, касаясь при этом щеки Влада упругим бюстом.

Справедливости ради нужно отметить, что бюст у баронессы был вполне упругий и соблазнительный, однако Влада как-то не тянуло кувыркаться с этой женщиной, хотя и вполне сохранившейся для своих тридцати пяти лет, но слишком уж бесстыдно его домогавшейся, да еще и на глазах у сидящего рядом мужа. Влад ничего не имел против секса с замужними женщинами, но только не в присутствии мужа-бисексуала. Впрочем, и это было неважно — на безрыбье и рак рыба, и эта дама бы пригодилась, но в повозке сзади ехала цирковая труппа, четыре девушки и парень, две девушки были любовницами Влада, и почти все время, что жил в замке Некайло, он проводил с ними.

Сестрам Арине и Марке было около двадцати, великолепные спортсменки, красавицы и просто хорошие, веселые девицы, с ними можно было поговорить о чем угодно. Владу пришлось прожить в замке барона Некайло четыре недели, дожидаясь, когда дороги схватит морозом и можно будет отправиться в путь, так что знакомство с акробатками очень даже скрашивало его досуг.

Влад в очередной раз приоткрыл глаза, посмотрел на воркующую баронессу и сказал:

— Остановите карету.

Барон два раза стукнул тростью с резным золоченым

набалдашником в стену кареты, повозка качнулась, замедлила ход и наконец остановилась. Барон вовсе даже не был хромым — трость была скорее символом власти, а еще использовалась как сигнальное устройство, вот как сейчас.

Влад со вздохом встал со своего места и равнодушно обронил:

— Пойду в повозку к комедиантам. Мне поговорить с ними нужно. Когда будет постоянный двор?

— К вечеру доедем, — благожелательно ответил барон, всем своим видом показывая, что он готов на любые услуги своему божеству — Владу. Ну совсем на любые!

От этого Владу стало еще тошнее, и, распахнув дверцу кареты, маг вывалился на свежий воздух.

После кареты, где стояла жаровня с углями, на которую баронесса время от времени бросала благовония, воздух показался обжигающе холодным. Влад полной грудью вдохнул запахи хвои и прелых осенних листьев.

Он всегда любил осень — ее запахи, красоту умирающей листвы... вот только эта пора навевала на него какую-то грусть. Впереди долгая зима, и до весны, которую он очень любил, было далеко. Год в этом мире был гораздо продолжительнее, чем на Земле, а потому все времена года тянулись тоже гораздо дольше. Впрочем, грех жаловаться — ведь и весна была длиннее.

К Владу поспешно подъехал верховой — старший стражник и встревоженно спросил:

— Что случилось, господин Олег? У вас все в порядке? Почему остановка?

— Все нормально, Сагрин, просто я хочу поехать в повозке с циркачками, мне так веселее.

Стражник понимающе улыбнулся, кивнул и поскакал дальше вдоль каравана, состоящего из пяти повозок. В карете ехали барон и баронесса, в повозке комедиантов, соответственно, комедианты, а остальные повозки занимали вещи хозяев, припасы в дорогу и прислуга, которая должна была обеспечить комфортное существование барона и баронессы во время долгого пути.

Повозка комедиантов изменилась с тех пор, как ее видел Влад, — тогда она была убогой, обшарпанной, все кар-

тинки на ней представляли собой жалкое зрелище, как и те люди, что толкали ее, вытаскивая из непролазной грязи. Теперь же повозка была полностью перестроена, сияла свежей краской, над ее крышей клубился дымок — внутри стояла небольшая печка, согревающая во время путешествия.

На облучке сидел Борин, одетый в теплый тулуп и валенки, и весело щурился на Влада, разминающего конечности возле кареты барона.

— Что, надоело со стариками? Потянуло на молоденьких? — весело усмехнулся он. — Иди, они там соскучились без тебя!

— Ну не такие уж и старики, — усмехнулся маг. — Баронесса еще о-го-го, огонь-женщина! Не принижай ее достоинств! И вообще, — добавил он, понизив голос, — меньше болтай, а то останешься без причиндалов, дамы не любят, когда напоминают об их возрасте. Баронесса прикажет — быстро тебе твое хозяйство под корешок отрежут!

— Да-а-а? — увял Борин. — Точно, когда-нибудь язык доведет меня до беды. Полезай в фургон, девчонки и вправду тебя заждались!

Влад открыл дверцу фургона и ввалился в теплое нутро. Тут было тепло, даже жарко, свет проникал сквозь маленькие окошки под самым потолком, а пол был застелен толстым ковром из выделанных шелковистых бараньих шкур.

— Попался! — Влада схватили четыре пары не по-женски крепких рук, и девушки с визгом попытались повалить его на ковер.

Им бы это не удалось, маг был невероятно силен, но он поддался и со смехом повалился на пол, уступая разгоряченным подругам. Они были полураздеты, только в легких рубашках, на мужской манер, широких полотняных штанах и босиком — соответственно температуре в фургоне. С Влада тут же стащили верхнюю одежду, и он тоже остался в одной нижней рубашке и легких штанах. Шаловливые руки, войдя в раж, попытались стащить и их, но он решительно воспротивился агрессии, сохранив остатки одежды и мужской независимости.

— Так, ну-ка прекратили! — шутливо прикрикнул он. — Распустились тут! Скоро голышом будете по фургону скакать! Что люди скажут!

— Голышом? А что, это идея... — низким голосом протянула Арина и стащила с себя рубаху, оставшись по пояс голой. Она подбоченилась, и ее крепкие груди вызывающе уткнулись в лицо Влада. — Так пойдет?

— Надень рубаху! — внезапно охрипшим голосом сказал Влад. — А то я сейчас не выдержу и прямо тут тебя и оприходуя, бесстыжая ты комедиантка!

— А и оприходуя! — зазывно покачала грудями Арина. — Что, этих завистливых поганок стесняешься? Да они и не такое видали. Только и ждут повода, чтобы до тебя дорваться! Устроим тут небольшой междусобойчик! А что, это мысль!

— Нет уж, — окончательно сбросил наваждение Влад, — мало ли чего в дороге случится, а мы тут с голыми задами скачем. Дорога есть дорога. Забавно мы будем выглядеть, когда на нас нападут разбойники, — с голыми задницами-то...

— Ладно, — разочарованно вздохнула Арина, — вечером оторвемся по полной. Выпить хочешь? Мы тут бутылочку уже высосали!

— Ах вон чего вы раздухарились-то! Пьянство творите!

— Ну и творим, — вызывающе сказала Арина, натягивая рубаху, — делать-то все равно нечего. Скучно. Ты там с этими Некайло болтаешься, а ехать еще долго — чего не повеселиться-то? Лучше расскажи чего-нибудь веселенькое, интересное. Например — что это барон и баронесса так тебя вдруг залюбили, что признали троюродным братом барона? Ты и вправду дворянин?

— Хм... знаешь что, — жестко сказал Влад, — я уже тебе говорил и остальным скажу: меньше знаете — крепче спите. Более того, имеете шанс сохранить голову на плечах. Будете языком трепать — можете сразу лишиться головы и с ней языка. Вот как это вам довести до ума-то?

— Да ладно... я так просто спросила, — ухмыльнулась Арина, — интересно же. Нельзя так нельзя. И не болтаем мы — мы же в своем кругу разговариваем, чужих тут нет.

Девчонки — они ко всему уже привычны. Они свои. Никогда не разболтают. Мы, комедианты, как шпионы или солдаты, между собой что угодно говорим, а врагу ни-ни...

— Вы-то, может, и не сболтнете, а если подслушают? И у стен уши есть!

— Да-а-а? Марка, ты там ближе к стене, погляди, есть там уши или нет?

Марка прыснула, полезла к стене через Грину и упала на Шаван, та ее ущипнула за зад, Марка взвизгнула, ущипнула Грину, та тоже заорала, и началась куча-мала. Девчонки визжали, гонялись друг за другом по фургону, он раскачивался, и Борин, не выдержав, снаружи постучал в стену и закричал:

— Вы чего там, обалдели, что ли? Свальным грехом занимаетесь? Заездите Олега до смерти!

Влад откинулся на подушки у одной из стен и, прижав к себе Арину, с усмешкой следил за перемещениями девчонок. Наконец они уgomонились и, тяжело дыша, рухнули на пол.

— Все! Хватит! — улыбаясь, сказала Арина. — Побесились и достаточно! Давайте-ка напоите Олега чаем с печеньем, чтобы у него сил на вечер хватило! У меня на него большие вечерние планы.

— И не только у тебя, — подмигнула сестре Марка. — Забыла об уговоре?

— Не забыла! — недовольно бросила Арина. — С тобой забудешь!

— То-то же, — удовлетворенно улыбнулась Марка и полезла в передний конец фургона, где находилась небольшая кухонька. Она достала из коробки фарфоровые чашки, любовно переложенные белыми льняными тряпицами, и стала наливать в них кипяток из медного чайника, стоящего на печурке.

— Хорошо, правда? — Арина запрокинула голову, лежащую на животе у Влада, и поймала его взгляд. — Жаль, что все хорошее когда-нибудь кончается. Тепло, сытно, мужчина рядом, деньги есть — чего еще желать? Только хорошего дома...

— Да тебе и на дом хватит, — тихо заметил Влад. — Де-

нги же получила? На них ты себе хороший особняк в столице купишь!

— Ага. А потом придут викантийцы, деньги отберут, особняк сожгут. А нас в очередной раз отдадут позабавиться роте грязных невымытых скотов-наемников. Деньги хорошо, дом хорошо. А безопасность? Кто ее даст?

— Ну а кто мешает тебе остаться в замке с бароном и баронессой? Гарантию тебе даю — они будут о вас заботиться, пылинки сдувать. Какие проблемы? Живи себе и живи.

— Верю тебе, — вздохнула Арина, — только ты как это себе представляешь — мы всю жизнь с этими придурками? Да мы от тоски сдохнем в этом замке! Нет уж... хорошо бы в столице жить... или в Лазутине — но там викантийцы. Вообще, пока они здесь, жизни никакой не будет. Ни с деньгами, ни без них. И на дороге опасно, и в доме опасно, и даже в замке.

— Подожди немного, — задумчиво пробормотал себе под нос Влад, — разберемся мы с этими викантийцами.

— Кто это мы? — Арина остро взглянула на него. — Олег, ты состоишь из одних тайн...

— Когда-нибудь ты их узнаешь. Что же касается вашей судьбы — есть у меня одна мыслишка... как только завершим это путешествие к графу, я тебе ее озвучу. Вот тогда и узнаешь, кто я и что я.

— Многообещающее заявление, — хмыкнула Арина. — Только не говори, что ты брат императора и вообще властелин мира!

Влад лишь улыбнулся, а Арина зажала рот рукой и негромко вскрикнула:

— О нет! Не может быть! Пойдем-ка лучше пить чай, а то мне в голову такое лезет!

Они поднялись с ковра и прошли к столику, за которым уже сидели девчонки и, шумно дуя в чашки, прихлебывали горячую зеленоватую жидкость. Тут предпочитали зеленый чай, частенько смешанный с различными полевыми и лесными травами. Владу тоже нравился зеленый чай, но он больше любил пить чай с лимоном. Увы, лимона не было, но сахар и печенье наличествовали в нужном объеме.

— Как это вы не толстеете? — буркнул Влад, усажива-

ясь на складной деревянный стул и беря тонкого фарфора чашку. — Столько печенья лопаете — тут и худой станет толстяком!

— А ты поскачи по сцене с наше, тоже небось не растолстеешь, — улыбнулась Марка. — Впрочем, ты и так не толстеешь, хотя лопаешь в любое время дня и ночи! Вот как ты не толстеешь?

— Да кто знает, не толстею, и все тут... — меланхолично заметил Влад, размышляя над тем, о чем говорил с Ариной.

И ведь правду она говорила — если оставить девчонок одних, их точно кто-нибудь обидит, ограбит, изнасилует. А то и убьет. Деньги у них были слишком серьезные — тридцать тысяч, только за горстку из этой суммы любой бандит глотку перережет, а тут целое состояние. Когда он разговаривал с Ариной, ему пришло в голову, что здорово было бы свести их с Амалией — они точно нашли бы общий язык, что может быть лучше бродячих комедиантов, не вызывающих никаких подозрений, в деле рыцарей плаща и кинжала.

«А если их тела модифицировать... им цены не будет. Вот только захотят ли они этого? Можно было бы взять на время у них деньги, сохранить в замке Саваловых — туда точно никакие бандиты и близко не сунутся... да что бандиты, и регулярные войска сто раз подумают, чтобы туда полезть. Закончится путешествие к графу — поговорю с Ариной, раскроюсь ей, пусть сами принимают решение. В любом случае — можно предложить им или пожить в замке, или же построить дом рядом с ним. Пока вся эта заваруха с оккупацией не закончится...» — думал Влад.

Он отхлебнул глоток пахучего чая, приправленного чабрецом, и вдруг его тонкий слух уловил крики и звон металла. Нападение! На караван напали!

Подхватив куртку, Влад натянул короткие кожаные сапожки и бросился к двери фургона.

Потерять барона с баронессой, когда все так хорошо складывается, было бы очень обидно.

ГЛАВА 2

Выскочив из фургона, Влад некоторое время не мог ничего понять. Группа вооруженных людей, сразу и не сосчитаешь, может, человек тридцать, может, сорок — крепко надели на охрану барона Некайло. Охраны было вдвое меньше, но надо отдать им должное — обступив карету с хозяевами, охранники отчаянно дрались, звеня клинками и вертясь на конях, как на горячей сковороде.

Клинка сверкали в лучах осеннего солнца, взблескивая как молнии, и на глазах у мага двое защитников пали, обливаясь кровью. Лошадь одного из них с громким ржанием поскакала в сторону, раненная в ляжку, волоча застрявшего в стремени всадника — то ли живого, то ли мертвого. Кучер барона лежал мертвый под колесами кареты, а один из нападавших, занявший его место, пытался подобрать вожжи и угнать карету в сторону от тракта.

Как всегда в критических ситуациях, мозг Влада переключился на боевой режим — люди двигались медленно-медленно...

Вот один бандит повернулся и показал рукой на мага, выскочившего из фургона. Его слова, вылетевшие из обрамленного усами и бородой рта, Влад воспринял как какое-то низкое-низкое рычание, даже сразу и не разобрать, что он сказал. По ситуации было ясно, что это что-то вроде: «Убейте этого!»

Несколько всадников устремились к магу, стоявшему на морозном ветерке в одной рубахе и полотняных штанах. Он не чувствовал холода, его мозг был занят оценкой ситуации — за эту секунду целый ворох размышлений и умозаключений проскочил в его голове, как будто работал суперкомпьютер: «Это не бандиты. Хорошо одеты, вооружены примерно одним и тем же оружием. Не нападают на обоз, а сосредоточились на карете с бароном и баронессой, — бандиты в первую очередь выпотрошили бы повозки с барахлом. Вывод: это нападение имеет целью захват или убийство барона. По большому счету мне плевать на этих извращенцев, однако без них мои планы рухнут, а посему — нападающим не жить. Чем бить? Руками или ма-

гией? Пока я буду отворачивать им головы, они отвернут голову барону — вон в дверцы кареты уже полезли. Вперед!»

Влад с ходу врезал воздушным кулаком по скачущим на него всадникам, и их смело как метлой. Жалобно заржала раненая лошадь, и у Влада испортилось настроение — бандитов ему не было жалко, а вот лошадей... они за что страдают? Еще удар — намеревавшийся влезть в карету разбойник с криком пролетел по воздуху и врезался в соседнюю сосну, захрустев ребрами, оставив под ней лужу крови. Влад расширил фронт удара воздушного кулака и, выбрав группу противника, атаковал, стараясь не зацепить охранников барона. Нападавшие вначале не понимали, что происходит, и по инерции продолжали наскакивать на охранников, а двое снова поскакали на легко одетого парня, выскочившего из фургона.

Со стороны, наверное, это виделось так: стоит некий прощельга и с интересом наблюдает за дракой, а что дерущиеся почему-то разлетаются в стороны — какое отношение это имеет к данному индивидууму? Нет никаких молний, искр и огня — просто поднимаются в воздух бойцы и расплющиваются о деревья. Только вот раздражает этот хлыщ — а не отрубить ли ему голову? Поскакали!

Влад встретил их мощным ударом воздушного топора — он сплющил кулак в подобие огромного лезвия, и до него доскакали лишь половинки всадников, активно фонтанирующие кровью. Отпрыгнув в сторону, чтобы кони его не сшибли, маг направился к месту основной схватки и стал методично выбивать всадников из седел, действуя аккуратно и ювелирно-точно, стараясь не задеть своих бойцов. Только когда нападавших осталось меньше четверти, они наконец сообразили, что происходит непонятное, и бросились наутек.

Уйти им Влад не дал. Последние восемь человек были сметены ударом в спину и полетели по земле, как сбитые шаром кегли. Сила толчка была такова, что люди кувыркались до тех пор, пока их не останавливало какое-нибудь дерево. В живых после этого вряд ли кто остался, а тем более тот бандит, которого пробило сухой веткой дуба, стоявшие

го на обочине тракта, от ключицы до зада. Он повис на дереве будто жук, наколотый на иглу.

Маг осмотрелся. Битва закончилась — из защитников барона в живых осталось меньше половины. Количественный перевес нападавших был слишком велик, так что и потери защитников тоже были значительные.

К Владу подскочил командир охраны — он остался жив и даже невредим, — соскочил с коня и с почтением спросил:

— Это же вы устроили, господин Олег? Я не знаю, как вы это сделали, но спасибо вам, вы нас спасли.

— Раненые есть? — не отвечая на вопрос, спросил Влад. — Я имею в виду, наши раненые. Впрочем... кто-нибудь из нападавших остался в живых? Кто это вообще такие были? Это же не бандиты?

— Нет, не бандиты, — угрюмо ответил охранник. — Я узнал их главного. Это был один из людей племянника барона, Армура.

— А какого демона они на нас напали? В чем дело?

— Видимо, хотел прибрать к рукам дядюшкин капитал. Барона с баронессой на тот свет, а он самый первый наследник. Я слышал, дела у него не шибко хорошо идут. Да и как они хорошо пойдут, когда вместо заботы о своем поместье, о своих землях сплошные кутежи, разврат, пьянство и рыцарские турниры. Начитался рыцарских романов в детстве, а после того, как папаша, брат барона, помер, будто с цепи сорвался. Вот так и прокутил состояние. Крестьяне от него бегут — впали в полную в нищету. Он выгребает у них все запасы, перепортил их дочерей и жен — тех, что покрасивее... ну и кто у него будет жить? Большая часть его крестьян сбежала на земли Влада. Ну вот и результат его беспутства — докатился до убийства дяди с тетей! Ну да демон с ним. А вы чего про раненых спросили? Неужто лечить можете? И чего это я про Армура распинался — вы же лучше меня его знаете... вы же тоже родственник барона.

— Могу. Только давай договоримся с тобой, Сагрин: ты молчишь о том, что случилось, и о том, что сейчас будет. По крайней мере, до тех пор пока я не разрешу. Начнете болтать в поместье у графа — лично головы оторву. И это

не пустые слова. — Влад жестко посмотрел на охранника, сразу побледневшего и вытянувшегося перед ним так, как он не вытягивался даже перед самим бароном.

— Вы можете поотрывать, это точно, — кивнул Сагрин. — Обещаю, что все наши будут молчать... сколько смогут. — Он усмехнулся. — Зачем мне вам врать? За себя я могу ручаться, а за них, если выпьют... в общем, что смогу — сделаю. И обслугу предупрежу. Да они, скорее всего, и не поняли, что случилось.

— Расскажи им вот что: появился неизвестный мужчина в темном плаще, маг, и перебил всех грабителей. Это были грабители, ты понял, да? Не надо никому знать про Армура... мы им потом займемся. А теперь веди меня к раненым.

Сагрин поспешил к лежащим на земле трем парням — у одного была разрублена ключица и задето легкое, и он теперь умирал, истекая кровью. Двое других были ранены не так тяжело, но тоже изрядно поранены.

Влад тут же занялся ключицей — через десять минут от раны не осталось и следа. Параллельно — на всякий случай — внедрил парню в мозг установку верности ему, Владу. То же самое он проделал и с другими двумя охранниками.

Поднявшись с колен, маг пошел к карете. Дверца была заперта, он постучал в нее, но никто не откликнулся — как будто все умерли.

Влад усмехнулся и подал голос:

— Откройте, это я! Все закончилось!

— Это ты? — В карете зашуршало, и из-за приоткрывшейся дверцы выглянуло смазливое личико баронессы. — Разбойники ушли?

— Ушли. На тот свет. Вы в порядке? Как там барон?

— Я в порядке! — Барон тоже выглянул из кареты. — Кто это был? Чего они хотели?

— Племянничек ваш, Армур. Желал вашего перехода в мир иной.

— Вот сучонок! — побагровел барон. — Я ему башку снесу!

— Только после того, как я разрешу, — холодно заметил

Влад. — Вначале мы займемся графом, ну а потом можете делать с вашим племянником все, что захотите. Хоть на кол посадите.

— Так и сделаю! — оживился барон. — Дорогая, посадим Армура на кол?

— А что, все какое-то развлечение! — обрадовалась баронесса и порозовела от предвкушения. — Только перед этим надо раздеть его догола! Пусть...

Влад не стал выслушивать эротико-палаческие фантазии баронессы, с чувством омерзения отвернулся и командовал Сагрину, что-то втолковывающему группе охранников:

— Посади кого-нибудь на облучок кареты! И соберите трофеи — оружие и коней. Все ценности, что найдете, ваши. Убитых врагов бросьте на месте. Наших бойцов соберите и сложите в повозку или на лошадей, потом похороним.

Сагрин, как будто всю жизнь подчинялся Владу, кинулся выполнять распоряжение, и закипела работа. Довольные стражники вычищали карманы и кошельки убитых врагов, ловили их лошадей, привязывая их позади повозок. Затем настал печальный момент — собрали всех убитых бойцов и привязали к лошадям.

Влад этого уже не видел — не дожидаясь окончания работ, он прошел в повозку комедиантов и с облегчением улегся на мягкие шкуры. Маг хорошо потрудился. Разве он не заслужил отдыха?

Марьяна вышла из избы — там было душно и темно. Крестьянские избы не отличались комфортом, в основном это были полуземлянки, вросшие в землю. Главное их достоинство состояло в том, что они хорошо держали тепло, а это немаловажно в условиях долгой и холодной северной зимы. Марьяну всегда удивляло — почему крестьяне не строят вместо землянок добротные бревенчатые дома? Но, поразмыслив, она пришла к выводу, что при крепостном праве это невыгодно. Строишь-строишь, а завтра хозяин продаст семью какому-нибудь другому рабовладельцу, и в

твой дом заселится кто-нибудь из соседей, а тогда зачем вся эта стройка?

Следом вышла Марина:

— Ну что они там? Марьян, придется по хатам идти. Они сейчас попрячут детей, и мы никого не найдем!

— Похоже, придется. Глянь, они со всей деревни в сто дворов нам выставили двадцать детей! И это при семьях в десять — двенадцать человек! Старосту надо за бороду брать!

Марьяна рассердилась не на шутку, увидев этих крестьянских детей, — выбрали самых убогих, кривых, хромых, увечных. Магиня направилась к большой бревенчатой избе, где жил староста деревни, и, решительно протопав по крыльцу, ударом ноги распахнула входную дверь.

— Ты что, борода распутная, издеваться вздумал? Ты чего нам выставил? Ты каких детей нам дал, гадина? Ну-ка иди посмотри на них!

Она схватила чинно обедающего старосту за шкурку и, не обращая внимания на его вопли, поволокла к двери. Его зад прогремел по деревянным ступеням, и мужик полетел в замерзшую лужу, проехался по ней спиной и остановился, уткнувшись в смерзшуюся коровью лепеху. Староста с ужасом таращился на разъяренную магиню и только тихонько подвывал.

— Быстро встал и пошел к тем детям, которых ты приготовил для нас! Давай-давай, пошевеливайся! — Марьяна, не дожидаясь, когда староста встанет, пошла к детям, топчущимся возле колодца на деревенской площади.

Староста притащился через несколько минут, уже в треухе и тулупе, накинутом на плечи домочадцами. Марьяна остыла после вспышки и оставила свои кровожадные мысли о том, что хорошо бы мужика утопить в колодце — чтобы другим неповадно было.

— Смотри, болван! Вы чего нам все отбросы собрали? Где остальные дети? Где неженатые и незамужние парни и девушки?

— Не губи, госпожа! — Староста бросился ей в ноги. — Вот эти убогие, им все равно жить да мучиться, а молодых и здоровых зачем убивать?